

НЕВОЗМОЖНОСТЬ — понятие, фиксирующее модальность бытия и мышления, радикально альтернативную не только действительности, но и возможности (см. Возможность и Действительность). В классической философии под Н. понималась совокупность тех онтологических состояний и логико-когнитивных конструкций, конституирование которых противоречило бы, соответственно, природным и социальным законам или законам логики. В современной философии понятие «Н» обретает фундаментальный статус в контексте парадигмальных презумпций постмодернизма (см. Постмодернизм), — прежде всего, постмодернистских концепций нонсенса (см.

Нонсенс) и трансгрессии (см. Трансгрессия): «невозможное» — это понятие, которое постмодернизм, по оценке Бланшо, «сделал знаменитым» (прежде всего, в лице Батая, вторым названием «Ненависти поэзии» которого является «Невозможное»).

Будучи фундированным презумпцией нелинейности, постмодернизм парадигмально констатирует идею «совозможности как правила мирового синтеза» (Делез). Фигура ветвления эволюционных траекторий системы обретает в постмодернизме фундаментальный статус («сеть» и «ветвящиеся расширения»; ризомы у Делеза и Гваттари, «решетка» и «перекрестки бесконечности» у Фуко, смысловые перекрестки «выбора» у Р.Барта, «перекресток», «хиазм» и «развилка» у Деррида, «лабиринт» у Эко и Делеза и т.д. — см. Лабиринт, Ризома).

Так, по словам Деррида, «все проходит через... хиазм, все письмо им охвачено — практика. Форма хиазма, этого Х, очень меня интересует, не как символ неведомого, но потому что тут имеет место... род вилки, развилки (это серия перекресток, carrefour от лат. quadrifurcum — двойная развилка, grille — решетка, claie — плетенка, cle — ключ)». Важнейшим источником формирования постмодернистской версии бифуркационной модели процесса выступает осмысление Борхесом пространства событийности как «сада расходящихся тропок». —

В контексте художественного сюжета Борхес фактически моделирует бифуркационный механизм разворачивания событийности: «скажем, Фан владеет тайной; к нему стучится неизвестный; Фан решает его убить. Есть, видимо, несколько вероятных исходов: Фан может убить незваного гостя; гость может убить Фана; оба могут уцелеть; оба могут погибнуть, и так далее. Так вот, в книге Цюй Пэна реализуются все эти исходы, и каждый из них дает начало новым развилкам». —

Последовательное нанизывание бифуркационных ситуаций, каждая из которых разрешается принципиально случайным образом, задает сугубо вероятностный мир с принципиально непредсказуемыми вариантами будущего (в синергетике подобный феномен получает название «каскада бифуркаций»: «в большинстве... времен мы не существуем; в каких-то существуете вы, а я — нет; в других есть я, но нет вас; в иных существуем мы оба. В одном из них, когда счастливый случай выпал мне, вы явились в мой дом; в другом — вы, проходя по саду, нашли меня мертвым... Вечно разветвляясь, время идет к неисчислимым вариантам будущего». Так, в рамках номадологического проекта Делеза и Гваттари (см.

Номадология) рассматривается феномен «расхождения» серий сингулярностей.

Подобно тому, как в синергетике точка бифуркации понимается в качестве такого значения переменной, при котором происходит ветвление эволюционных возможностей, — постмодернизм фиксирует «узловые пункты», «точки расхождения серий» (Делез, Гваттари), «двусмысленные знаки» (Делез), дающие начало процедурам ветвления.

Так, по Делезу, «есть условия, необходимым образом включающие в себя «двусмысленные знаки» или случайные точки, то есть своеобразные распределения сингулярностей, соответствующие отдельным случаям различных решений, например, уравнение конических сечений выражают одно и то же Событие, которое его двусмысленный знак подразделяет на разнообразные события — круг, эллипс, гиперболу, параболу, прямую линию». Важнейшим следствием постмодернистского осмысления феномена ветвления — так же, как и в синергетике — выступает формирование сугубо плюралистической модели исследуемой реальности: «сама по себе ризома имеет различные формы, начиная от ее поверхностного ветвящегося расширения и до ее конкретного воплощения» (см. Ризома). В контексте анализа этого ветвления номадологией дается новое толкование проблемы модальности: расхождение смысловых серий в узловой точке ветвления потенциальных траекторий задает возможность эволюции различных миров — равновозможных, но исключающих друг друга версий мировой динамики: «там, где серии расходятся, начинается иной мир, не-со-возможный с первым» (Делез). (Идея и сами термины «совоз-можных» и «несовозможных» событий были в свое время использованы Лейбницем.) В этом контексте постмодернизм радикально пересматривает феномен Н., которая задает дополнительную семантику фигуре «нонсенса» (см. Нонсенс): то, что в одной из версий эволюции или динамики (в одном из несовозможных миров) возможно и наделено смыслом, в другом выступает как «нонсенс», т.е. бессмысленно и невозможно. Таким образом, в заданном

контексте возможность и Н., перестают быть онтологически взаимоисключающими и семантически альтернативными: «нонсенс и смысл покончили со своим динамическим противостоянием и вошли в со-присутствие»;

(Делез). Однако каждый из параллельных (не-совозможных) миров, с точки зрения Делеза, в равной мере может быть возведен к определенному состоянию, которое — в системе отсчета как того, так и другого мира — служит его генетическим истоком, т.е. по своей природе неоднозначно, ибо может породить (в режиме не-совозможности) исключаящие друг друга следствия. — Это означает, что «не-совозможные миры, несмотря на их не-совозможность, все же имеют нечто общее — нечто объективно общее, — что представляет собой двусмысленный знак генетического элемента, в отношении которого несколько миров являются решениями одной и той же проблемы» (Делез). Аналогично, в контексте постмодернистской концепции трансгрессии (см. Трансгрессия) категория Н. истолковывается постмодернизмом в радикально нетрадиционном своем качестве, а именно — в качестве онтологической модальности бытия. — Трансгрессия есть выход за рамки наличного (действительного) не к иной (новой) возможности, но к тому, что в настоящей системе отсчета мыслится как Н. — Открываемый трансгрессивным прорывом новый горизонт является подлинно новым в том смысле, что по отношению к предшествующему состоянию вовсе не является линейно «вытекающим» из него естественным, очевидным и единственным следствием, — напротив, новизна в данном случае обладает по отношению ко всему предшествующему статусом и энергией отрицания: этот открываемый в акте трансгрессии горизонт определяется Бланшо как «возможность, предстающая после осуществления всех возможных возможностей, как такая возможность, которая низвергает все предыдущие или тихо их устраняет», т.е. как Н. в чистом виде. Трансгрессивный переход, по формулировке Бланшо, «требует... движения, которое не относится к строю возможности». Предел, преодолеваемый в акте трансгрессии, в рамках наличного опыта мыслится как непреодолимый, а потому не только то состояние, к которому может привести трансгрессия, но и само ее осуществление («опыт-предел»), не может быть осмыслено иначе, нежели Н.: по словам

Фуко, «внутренний опыт — целиком опыт невозможного, поскольку невозможное есть то, на что он направлен и что констатирует его». Таким образом, концепция трансгрессии задает бытию новую модальность («невозможное» наряду с «возможным» и «действительным»), — как пишет Бланшо, «следует понять, что возможность — не единственное измерение нашего существования... да, словно бы невозможность... дожидалась нас позади». Именно в силу своей сопряженности с Н. (т.е. в силу отсутствия укорененности в наличные формы мышления и опыта) опыт трансгрессии и постулируется Сартром как «опыт абсурда». — Таким образом, «невозможное» как модальность бытия семантически конгруэнтна с «нонсенсом» Делеза, — именно переход к

невозможному с точки зрения наличного состояния и составляет содержание трансгрессии: по оценке Батая, вербальная сфера наделяется «мощью смысла... лишь представляя невозможное». Бланшо артикулирует Н. как «то, над чем мы не властны властвовать», т.е. не можем ни уклониться от него, ни «сделать это своим испытанием», — то, что человеку не дано ни предвидеть, ни — тем более — предотвратить, ибо оно прерывает линейный вектор развития его опыта, открывавшийся линейному же когнитивному усилию. Собственно, лишь в системе отсчета последнего (в рамках его узких рамок) новое (безусловно, возможное, коль скоро оно конституируется в качестве действительного!) оценивается как не вытекающее логически (если пользоваться линейной логикой, а именно она и является инструментом опыта повседневности) из всего предшествующего эволюционного порядка и, стало быть, как Н. В этом плане используемый Бланшо термин «опыт-предел» с очевидностью фиксирует акт выхода за пределы повседневного (соответственно — линейного) мышления, лежащего в основе «всего того, что мы проживаем, продумываем и проговариваем». Не случайно Бланшо настаивает на определении «опыта-предела» посредством понятия «потери сознания» или изоморфных ему в данном случае «экстаза» (экстазиса как выхода за границы повседневности, т.е. нормы) и «незнания» (как отказа от апробированных стратегий трактовки мира). В этой ситуации как «экстаз», так и «незнание» оказываются модусом существования человека, когда существовать «невозможно». В этом отношении примечательно, что экстаз и незнание в рамках концепции трансгрессии оказываются семантически увязанными в единый функциональный комплекс: «незнание сообщает... экстаз»;

(Бланшо). Однако справедливо и обратное: по мысли Фуко, экстаз, в свою очередь, в режиме цепной реакции порождает незнание, ибо «то и дело трансгрессия переступает одну и ту же линию, которая, едва оказавшись позади, становится беспмятной волной, вновь отступающей вдаль — до самого горизонта непреодолимого». Постмодернистская идея трансгрессии также основана на идее отсутствия возможности не только предсказать, но даже выразить в наличном языке феномен перехода к тому, что не детерминировано (линейно не причинено) наличным бытием и в рамках последнего мыслится как «невозможное». Как пишет Фуко, трансгрессия реализует себя как «игра пределов», — «она выводит... в область недоверности», где очевидные реалии, подобно диссипативным структурам (см. Синергетика), возникают, чтобы вновь — при сдвиге условий — породить хаос (см. Хаос), чреватый новыми, столь же, в терминологии Фуко, «недоверными» реалиями: «эта игра не просто играет своими элементами; она выводит их в область... то и дело ломающихся достоверностей, где мысль сразу теряется, пытаясь их схватить». В этом контексте феномен нелинейного перехода сопрягается Бланшо с метафорическим «безнадежным и неведающим вождением... вождением того, чего невозможно достигнуть, и вождением, отвергающим все то, что могло бы его утолить и умиротворить, стало быть, вождением того бесконечного недостатка и того безразличия, которые суть

НЕВОЗМОЖНОСТЬ

Автор: словарь
25.12.2008 21:47 -

вожделение, вожделением невозможности вожделения, несущим невозможное...
вожделением, которое есть достижение недостижимого".

М.А. Можейко